

Как и ожидалось, взор матушки снова затуманился гневом. Стоило ей лишь открыть рот, собираясь отчитать меня, как я перехватил руку Цин Хэна и, петляя по закоулкам, потащил его в заднюю часть резиденции, прямо к своим покоям.

Стоило порадоваться, что моя комната хоть и обставлена без изысков, но из-за того, что мы с Сыжанем прежде делили её, кровать здесь оказалась куда просторнее обычных деревянных лож. Даже вдвоём на ней было не тесно.

Время ещё было раннее, до обеда оставалось полно времени, поэтому я решил прогуляться с Цин Хэном по небольшому садику, примыкающему к дому. Мы коротали время за чаем и неспешной беседой, а после трапезы вернулись в комнату.

Поразмыслив немного, я обратился к Цин Хэну, который сидел за письменным столом, листал книгу и потягивал чай: Цин Хэн, вы знакомы с матушкой? И, похоже, между вами лежит некая вражда. Я ни разу не видел, чтобы он смотрел на кого-то с таким презрением. Неужели ещё тогда, когда я притворялся слабоумным, он с ней поссорился? Или всё началось ещё раньше?

Цин Хэн перевёл взгляд с книги на моё лицо, задержался на мгновение и вернулся к чтению. Его выражение лица стало сложным, он пригубил чай и ответил: О прошлом лучше не вспоминать.

Раз Цин Хэн не хочет говорить, я не стал настаивать. Налив себе чаю, я сел рядом. Заметив чаинку, прилипшую к его губам, когда он пил, я протянул руку и стряхнул её. Встретившись взглядами, я совершенно естественно склонился и коснулся его губ своими, а следом — так же естественно — перенёс его на кровать. И началось новое безумие.

Это безумие затянулось до самых сумерек. Глядя на спящего возлюбленного, я невольно вздохнул: луна уже взошла, и сны нынче были беспокойными.

Наутро, едва проснувшись, я получил приказ от Фэн Иня явиться во дворец.

Я проследовал за евнухом, который вёл меня в кабинет императора. Фэн Инь как раз просматривал донесения; судя по нахмуренным бровям, он столкнулся с чем-то крайне неприятным.

Услышав доклад слуги, я не успел даже поклониться, как Фэн Инь уже позвал меня внутрь. Он отложил бумаги, расправил плечи, глотнул чаю, и на его лице не осталось и следа привычной мягкой улыбки: Дядя.

Не знаю, по какому вопросу император вызвал меня? — осторожно спросил я.

Неужели он прознал, что я увёз Цин Хэна? В Государстве Цзин с самого основания не поощрялись союзы между мужчинами или женщинами. Судя по всему, Фэн Иня беспокоило именно это. Впрочем, это не беда. В худшем случае меня лишат должности и звания, а то и головы — не велика потеря. Этот бездельник-ван и так зажился на свете. Главное, чтобы это не затронуло Цин Хэна.

А может, Фэн Инь решил одобрить мою просьбу о назначении, с которой я обращался на днях? Ох... если бы это было тогда, я бы обрадовался. Защищать родину — долг мужчины, тем более, что меня ничего не держит, и я бы не пожалел, даже если бы моим саваном стало поле брани. Но теперь у меня есть Цин Хэн, в сердце появилась привязанность. К тому же я уже несколько

лет не был в походах. Если я сложу голову в этой битве, не предам ли я Цин Хэна и свою клятву, данную ему, что не подведу его в этой жизни?

Похоже, я не подумал о последствиях, постоянно загоняя себя в рамки и вынуждая действовать по обстоятельствам...

Фэн Инь постучал пальцами по столу, вскоре предложил мне присесть. Но не успел я почувствовать тепло сиденья, как он бросил в меня бумаги, которые до этого вертел в руках.

Цзы Цин, то, что здесь написано — правда? — его глаза, узкие и подведённые, смотрели с некой надеждой, хотя я так и не понял, на что именно он надеялся.

Озадаченный, я открыл донесение. Строки чёткого, твёрдого почерка предстали перед глазами, и я невольно потёр виски.

Я угадал. Какой-то праведный слуга всё же подал на меня жалобу.

В донесении в общих чертах описывалась наша с Цин Хэном связь. Говорилось, что я, великий негодяй, обольстил государственного наставника, развратил государственные устои, и вместе с рядом старых сановников они просили императора лишить меня, злодея, должности, звания и, желательно, сослать на границы, чтобы я больше не портил двор.

К счастью, репутация Цин Хэна пострадала лишь отчасти, его жизни ничто не угрожало. С его возвышенным и благородным обликом, я полагал, скоро всё уляжется.

Это правда, — я почтительно склонил голову и добавил: Как здесь и сказано, это я обольстил государственного наставника. К нему это не имеет никакого отношения, прошу императора разобраться.

Дядя так рьяно выгораживает наставника, — Фэн Инь холодно усмехнулся. — С одной стороны — сановники, с другой — мой дядя. Как, по-твоему, я должен это разрешить? — говоря это, он протянул мне ещё одну бумагу.

Всё воле императора, — ответил я, принимая донесение.

И всё же я оказался прав.

Там было сказано, что границы вот-вот падут, и требуется подкрепление. Фэн Инь, показывая мне это, скорее всего, хотел, чтобы я принял то самое назначение и повёл войска.

Я готов повести армию, — я положил обе бумаги на стол, помолчал и добавил: Чтобы искупить вину. Прошу императора дать согласие.

Фэн Инь нахмурился, отпил чаю, глядя на меня со странным выражением в глазах: Раз так, я разрешаю. Завтра же выступишь с десятью тысячами воинов. Во что бы то ни стало выбей врага за пределы государства.

Я кивнул и, поклонившись, принял приказ: У императора есть ещё поручения? Если нет, я удалюсь.

Фэн Инь отмахнулся: Нет, иди.

Возвращаясь в резиденцию, я слушал крики уличных торговцев и смех прохожих, невольно прикрыв лоб рукой. Увы, тревога вернулась.

Завтра в путь. Как сказать об этом Цин Хэну? Зная его характер, он согласится, но я не хочу покидать его. Мы только-только обрели это чувство, только-только решились отпустить застарелую ненависть.

Вернувшись в Княжескую резиденцию, я не застал матушку в главном зале, что избавило меня от необходимости кланяться. Я шёл по коридору, отвечая на приветствия слуг, и дошёл до нашей с Цин Хэном комнаты. Дверь была плотно закрыта, но изнутри доносились голоса — мужской и женский. Мужской принадлежал Цин Хэну, в этом сомнений не было, а женский... это была матушка. Что они делают вместе? Значит, они действительно знакомы.

Я замер за дверью и смутно расслышал:

Матушка сказала: Хэн-эр, то, что случилось много лет назад, было не так, как ты думаешь, и совсем не по нашему с отцом желанию.

Матушка назвала его Хэн-эр! Поразительно... Но что это за дела давно минувших дней? И кто его отец?

Голос Цин Хэна звучал из комнаты, в нём проскальзывало раздражение: Я давно не держу зла за то, что было, к чему ворошить прошлое? Между нами не должно быть ничего общего. Прошу, госпожа ван, уходите. У меня есть дела.

Слова звучали сухо. Впервые я слышал, чтобы Цин Хэн так разговаривал, да ещё и с моей матушкой.

Хэн-эр, тогда, когда мы отправили тебя из резиденции, у нас с отцом не было иного выхода. Моё сердце тоже обливалось кровью. Не вини нас.

В голосе матушки слышалось отчаяние, примешанное к раскаянию.

Вот как... Теперь всё встало на свои места. Я ведь давно знал, что я не родной сын матушки и не сын отца, а рождён императором и императрицей, и чтобы уберечь меня от козней наложниц, нас с Сыжанем поменяли местами. Истинная мерзость.

Если подумать, Цин Хэн, должно быть, родной сын матушки и отца. А значит, он родной брат Сыжана. Неудивительно, что они так похожи.

Мне не хотелось лезть в их старые тайны. Раз он с самого начала не хотел, чтобы я знал, я должен уважать его волю. Пусть остаётся как есть.

Я тихо ушёл из дома на кухню, прихватил кувшин вина и вернулся в беседку в заднем дворе. Глядя на абрикосовое дерево, я почувствовал ещё большую вину перед Сыжанем. Мне стало не по себе, и я больше не мог сидеть под этим деревом, приглашая его выпить и поговорить. Увы, в этом саду, кроме криков птиц и звона моего кувшина, не было никакой жизни.

Через некоторое время, когда большая часть вина была выпита, передо мной внезапно возник Цин Хэн. Вероятно, я был пьян, потому что видел его смутно: то ли двое, то ли трое Цин Хэнов хмурились и обеспокоенно протягивали ко мне руки.

Цзы Цин.

Цин Хэн, — я улыбнулся. — Почему... тебя вдруг стало так много?

Как ты умудрился так напиться?

Я протянул руку, чтобы разгладить складки между его бровями, и, пользуясь хмелем, пробормотал по-детски: Цин Хэн, я больше ни на что не в обиде. Давай забудем всё плохое... Хорошо?

Да, отпустить — разве это не лучшее? Пока Цин Хэн рядом, я не хочу вспоминать прошлые горести. Отбросить всё, довериться ему всем сердцем, забыть о тяжёлых думах — разве это не счастье?

Цин Хэн опустил глаза и замолчал. Когда я уже решил, что он не ответит, он произнёс: Цзы Цин, ты забыл прошлое?

Я сказал, что не подведу тебя, поэтому всё, что нужно и не нужно забыть — я забуду.

Не раздумывая, я ответил серьёзно, вовсе не как пьяный, хотя те несколько Цин Хэнов перед глазами так и не исчезли.

Цин Хэн всё ещё молчал. Казалось, он прикрыл рот и нос рукавом.

Заболел? Или... я пьян и от меня неприятно пахнет?

Голова кружилась всё сильнее. Я нетвёрдо поднялся, потянулся к краю его халата, но рука прошла мимо. В следующее мгновение я рухнул на землю. Раздался глухой стук — это моя голова встретилась с полом. Вспышка боли, а затем что-то тёплое и липкое... Кровь, что ли? Вино — зло, а теперь я ещё и пострадал. Сам виноват, не повезло.

Не успел я опомниться, как услышал испуганный возглас Цин Хэна. А потом я потерял сознание.

Должно быть, позже Цин Хэн напоил меня чаем, потому что, когда я очнулся, горло не пересохло. Повсюду уже горели светильники, судя по всему, наступил час свиньи. Тусклый свет свечей делал полог кровати белёсым и глубоким. Вероятно, окно оставалось открытым, и лёгкий ветерок шевелил тёмные тени. Я потрогал лоб — его уже успели перевязать. Ну что ж, зато проспал и обед, и ужин, и совсем не голоден.

Я приподнялся и через марлевый полог увидел, что Цин Хэн за столом читает свитки. Он то и дело прикрывал рот рукавом, сдерживая кашель. И если сперва он кашлянул лишь раз, то вскоре приступы пошли один за другим, заставляя моё сердце сжиматься от боли.

Всё-таки я не ошибся, когда был пьян — Цин Хэн действительно болен. Ещё несколько дней назад он был здоров, как же он слёг?

Я накинул халат, взял одежду и на цыпочках подошёл к нему, боясь потревожить. Аккуратно накинул ткань ему на плечи. Цин Хэн замер, перелистывая страницу, затем отложил книгу и улыбнулся: Цзы Цин, рана лучше? Болит?

Смотрите-ка, это и есть чувство заботы любимого человека. Поистине — прекрасно!

Я покачал головой, но, увидев, как он расслабился, вдруг нахмурился. Ожидаемо, его лицо тоже изменилось. Втайне радуясь, я нажал на живот, который как раз собирался возмутиться, и сказал с притворным мученичеством: Цин Хэн, я проголодался. Есть что-нибудь перекусить? Совсем я обленился в последнее время, даже если голоден, идти на кухню не хочется.

Беспокойство на лице Цин Хэна постепенно сменилось облегчением. Он усмехнулся: Я велел подогреть еду, скоро принесут. Потерпи немного.

Я кивнул: Ты всегда такой заботливый.

Помедлив, я всё же решил рассказать о походе на границу. Цин Хэн выслушал без особых эмоций, а когда вскоре принесли еду, поставил её передо мной: Температура как раз нужная, ешь, пока не остыло. Раз уж ты едешь на границу, надеюсь, ты вернёшься с победой.

Слушая слова, которые я и так знал, я принялся за еду. Поев, вытер рот платком: Хм, с твоим благословением я сделаю всё возможное для защиты родины. Но я надеюсь, что по возвращении найду тебя здесь.

Мои опасения были не беспочвенны. Цин Хэн слишком связан с этой резиденцией, и, судя по тому, как он говорил с матушкой, он не любит это место. Если он уйдёт, а резиденция государственного наставника окажется пустой — где мне его искать?

Цин Хэн понимающе улыбнулся: Не волнуйся, Цзы Цин. Я буду ждать тебя.

«Буду ждать тебя» — как же хорошо звучит... Но я, кажется, что-то забыл?

Я нажал на лоб, и Цин Хэн обеспокоенно посмотрел на меня, вероятно, решив, что рана разболелась. Он коснулся повязки: Цзы Цин, болит?

Я покачал головой: Нет, — и внезапно схватил его за рукав. Он замешкался, попытался высвободиться, но не смог. Его персиковые глаза наполнились недоумением, словно спрашивая, зачем я его держу.

Что это?

Я взмахнул платком, который только что достал из его рукава. В тусклом свете лампы на нём чётко виднелись пятна крови. Его персиковые глаза, глядя на платок, блеснули удивлением, он отвёл взгляд, пытаясь уйти от ответа. Видя это, я разозлился: мы ведь собираемся прожить вместе всю жизнь, почему, даже заболев, он скрывает это? За кого он меня принимает, за чужака? Куда мне деть свои чувства и преданность?

Цин Хэн долго не решался посмотреть на меня, а затем ответил тихим, почти не слышным голосом: Это всего лишь старая болезнь, ничего страшного. Цзы Цин, не стоит беспокоиться.

Услышав этот явный уход от ответа, я нахмурился, но тут же расслабился.

Верно. Кто такой Цин Хэн? Великий государственный наставник, далёкий от мирской суеты! А кто я? Пешка, которую выбросили, виновник гибели любимого человека. Разве я достоин его внимания? Это просто бред и курам на смех.

Но раз уж я поклялся хорошо к нему относиться, я должен заботиться о нём. Даже если это старая болезнь, я не могу игнорировать угрозу его жизни.

Я позову лекаря.

Цин Хэн с улыбкой высвободил руку и покачал головой: Ты, видно, забыл, что я сам целитель. Во всём императорском городе не сыскать того, чьи медицинские познания превзошли бы мои.

Я нахмурился, такой Цин Хэн вызывал во мне необъяснимую злость: В древности говорили: лекарь не может вылечить самого себя. То, что ты не можешь справиться с болезнью сам — естественно. Если возьмётся другой человек, он точно вылечит. К тому же, три сапожника заменят одного Чжугэ Ляна, может, коллективными усилиями мы и победим твой недуг.

Цин Хэн был явно позабавлен моим заявлением, рассмеялся, на лице появилось беспомощное выражение, и он позволил мне послать Синжэня среди ночи за врачом.

Давай-давай, я помогу тебе лечь, уже полночь, хватит читать, — сказал я и осторожно уложил его, будто он тяжелобольной. Цин Хэн лишь покачал головой от комичности ситуации.

Он лежал, я сидел рядом и думал, почему Синжэнь до сих пор не привёл лекаря. Чтобы скоротать ожидание, я болтал о пустяках, а Цин Хэн слушал, иногда отвечая короткими фразами. В конце концов, я снова сбился на завтрашний отъезд, прося его беречь себя и чтобы по возвращении я увидел его здоровым и невредимым. Я сам чувствовал, что несу чепуху, будто мы прощаемся навсегда, отчего становилось лишь грустнее.

Цин Хэн прикрыл глаза, его бледно-розовые губы дрогнули. Он открыл глаза — чистые, как звёзды, — и улыбнулся: Цзы Цин, если не хочешь расставаться, я поеду с тобой.

Я опешил. Он помолчал и добавил: Не волнуйся, я позабочусь о себе и не стану тебе обузой.

Придя в себя, я сухо кашлянул и нахмурился: Не дело это. Тебе нужно лечиться в резиденции. Если поедешь со мной, боюсь, старая болезнь только усугубится.

Цин Хэн улыбнулся, приоткрыл было губы, но снова закрыл глаза: Хорошо.

Когда пришёл старый лекарь, белая свеча на столе прогорела больше чем наполовину, а Цин Хэн успел уснуть. Под длинными ресницами залегли тени. Меня вдруг посетило жуткое предчувствие — вдруг он больше не проснётся? Я испугался, схватил трясущегося старика с седой бородой, несущего медицинские принадлежности, и потащил к постели. Боясь разбудить Цин Хэна, я сделал знак лекарю и растерянному Синжэню молчать.

Тихо прошептал: Старый лекарь, посмотрите. Какой способ поможет быстрее одолеть его недуг? Если не получится — берегитесь своей головы.

Я говорил мягко, но в словах сквозила угроза. Вспоминая, как он кашлял кровью, я чувствовал, что если он не вылечит его, я действительно заставлю его последовать за Цин Хэном, даже если мне придётся отдать собственную жизнь.

Старый лекарь погладил бороду, дрожащими руками придвинул табурет и сел у постели. Он был достаточно умен, чтобы понять: этого человека может трогать только ван. Старик набросил платок на белое запястье Цин Хэна и, закрыв глаза, принялся проверять пульс.

То, что он молчал так долго, заставляло меня нервничать. Я посмотрел на Синжэня, тот понимающе налил мне чаю. Я взял чашку, глотнул, чтобы унять дрожь, но, глядя на Цин Хэна, в голову лезли дурные мысли, и сердце снова сжималось от страха.

Прошло немало времени, прежде чем лекарь убрал платок и поднялся. Встретив мой вопрошающий взгляд, он задрожал ещё сильнее, снова погладил бороду, покачал головой и глубоко вздохнул. Моё сердце будто сдавило тисками. Старый лекарь, что с ним?

Лекарь вздохнул, его мутные глаза встретились с моими: Отвечаю вану: государственный наставник неизвестно что перенёс, его жизненная энергия истощена, внутренние органы тоже... Ох, боюсь, ему осталось недолго.

Вздохнув, он опустился на колени: Старик бессилен, прошу вана обратиться к более искусным лекарям.

<http://bllate.org/book/21938/2279250>